

Шишкина Олимпиада Петровна

**Прокопий Ляпунов или
Междоцарствие в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-54

О-54 **Олимпиада Петровна Ш.**
Прокопий Ляпунов или Междоусербие в России / Шишкина Олимпиада Петровна – М.:
Книга по Требуванию, 2026. – 284 с.

ISBN 978-5-521-31245-0

ISBN 978-5-521-31245-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требуванию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

В тот же во вторникъ посскаша много множество людей, кои быша в тѣ норы тутъ, и сказываху что по всѣмъ рядамъ и улицамъ выше чловѣка трупъ чловѣчь лежаще.

Лѣтопись Никона. — 816.

Смѣло могу сказать, что въ Москвѣ не осталось ни кола, ни двора..... Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ.

Самуилъ Масквичъ.

Въ Кремль заблаговѣстили во весь колокола. На торжественный этотъ благовѣсть, возвѣстившій, что наступило празднество Воскресенія Христова, отзывались, двѣ, три церкви въ Китаѣ-городѣ. Но за стѣнами разграбленнаго Китая ничто не нарушило глубокой, мертвой тишины; тамъ уже не было города, убійства и пожары истребили тамъ и лю-

дей и стѣны. Враги и измѣнники гордо этимъ хвалились, вѣрные граждане обливались слезами. Они сами не знали, идти ли имъ въ церкви, равно страшась въ такой великій день остаться дома не видя служенія, и встрѣтить торжествующихъ разрушителей Москвы. На небѣ не было видно ни одной звѣздочки, оно какъ плотный черный покровъ висѣло надъ городомъ, но улицы были всюду освѣщены, и въ бывшемъ домѣ Бориса Федоровича Годунова раздавались звуки органа сопровождавшаго Латинское пѣніе.

Кромѣ небольшого числа ожесточенныхъ измѣнниковъ, Кремлевскіе жители съ глубокимъ уныніемъ собрались въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ Грекъ Игнатій, вовсе не заботившійся о пользахъ вѣры и земли Русской, заступалъ мѣсто ихъ непоколебимаго защитника, безсмертнаго Ермогена. Его странное произношеніе и лукавые взоры, вмѣстѣ съ шумнымъ болтаньемъ и безпрестаннымъ движеніемъ иновѣрцевъ, единственно изъ любопытства тѣснившихся въ Соборѣ, тяжело напоминали, что въ торжественный часъ сей, когда страданія Христа Спасителя искупили родъ человѣческій, въ Россіи Царь и патріархъ томятся въ неволѣ, а оставшіеся въ живыхъ Московскіе граждане скитаются безъ крова и безъ пропитанія. Чувствуя, что тому виною ихъ собственное малодушіе, нѣкоторые бояре, вмѣсто радостнаго умиленія, прежде исполнявшаго сердца ихъ, когда запѣвали;

Христось Воскресъ, услышавъ слова эти, рыдая упали на полъ, какъ преступники услышавшіе приговоръ свой. Они съ ужасомъ вообразили, что Христось воскресъ, чтобы наказать ихъ за ихъ участіе въ гибели ихъ братій.

— Что это такое, Князь Ѳедоръ Ивановичъ, сказалъ старикъ Салтыковъ, послѣ заутрени подошедшій поздравить Князя Мстиславскаго: никакъ у тебя не отъ жару, а отъ слезъ смокло лице. Что съ тобою приключилось, не померла ли у тебя молодая Княгиня?

— Поморили мы съ тобою Русь святую, Михайло Глѣбовичъ, въ полголоса отвѣчалъ Мстиславскій!

Салтыковъ съ пренебреженіемъ усмѣхнулся.

— Вотъ что, сказалъ онъ: видно ты, бояринъ, передъ заутреней крѣпко уснулъ и доселѣ мерещатся тебѣ небылицы. Пожалуйста выкинь это изъ головы, вишь всѣ на тебя глядятъ. Въ наши годы непригоже плакать; мы своими слезами лишь всѣхъ насмѣшимъ. И о чемъ теперь тужить намъ? Здѣшнихъ бунтовщиковъ авось навѣкъ уняли; а и воръ крамольникъ Прокофій, слышалъ я сюда ѣдучи, врядъ ли долго станетъ величаться. Иванъ Мартыновичъ, дай Богъ ему здоровья, не за тѣмъ пошелъ однимъ путемъ съ нимъ, чтобы во всемъ его слушаться. Что сойдутся, то переругаются. Коли, только Александръ Ивановичъ

посудить Маринкѣ богатый удѣлъ, тотчасъ оборвутъ крылышки у проклятаго Рязанца.

— Не удѣла Маринкѣ хочется, а цѣлаго Царства, сказалъ Метиславскій.

— Посудимъ ей Царство, отъ этого бѣды не будетъ, посудить и подарить совсѣмъ иное дѣло, сказалъ Салтыковъ.

Беззаботная веселость Салтыкова, сначала раздраживъ Князя Метиславскаго, мало по малу его успокоила, и онъ снова сталъ вѣрить, что какъ въ отчаянныхъ болѣзняхъ, для спасенія жизни отнимаютъ руку или ногу, такъ для спасенія Россіи отъ безпрестанно возникающихъ смутъ и кровопролитій нужно было разрушеніе Москвы. Никто не проповѣдывалъ этого такъ сильно какъ Салтыковъ. Слѣпо преданный Сигизмунду и ревностно стремясь утвердить въ Россіи власть его, онъ самъ первый зажегъ свой домъ, и ему необходимо было стараться всѣхъ убѣдить въ пользу поступка, отъ котораго совершенно зависѣла его участь.

Послѣ обѣдни высшіе сановники приглашены были разговѣться съ Игнатіемъ; всѣ сочли себя обязанными къ нему явиться, но весьма немногіе были веселы. Всѣхъ почти тревожило приближеніе Ляпунова и его сподвижниковъ, которые, отрекшись отъ присяги, данной Владиславу, объявили, что они не намѣрены слушаться и думы Бо-

ярской, во всемъ покорной Полякамъ. Салтыковъ и Андроновъ, сидѣвшіе рядомъ на лавкѣ, вновь обитой богатымъ штофомъ, насмѣшливо посматривали на унылыхъ гостей. Чтобы болѣе подразнить ихъ, Салтыковъ сказалъ, что Король Сигизмундъ чрезвычайно раздраженъ поступками находящихся при немъ пословъ, которые вмѣсто того, чтобы ревностно содѣйствовать скорому водворенію мира и благоденствія, сдавъ Королю Смоленскъ, безъ чего юный Царь Владиславъ не можетъ отправиться въ Москву, заботятся только угождать лжепатріарху Ермогену.

— На что все это похоже? продолжалъ Салтыковъ, смертельно ненавидѣвшій знаменитаго Святителя, котораго онъ ничѣмъ не могъ, ни обольстить, ни испугать; кстати ли еще слушаться безумнаго старика, который самъ нарушивъ присягу, сдружился съ извѣстнымъ, дерзкимъ бунтовщикомъ, Прошкой Лянуновымъ. Они одни должны отвѣчать и Богу и добрымъ людямъ за проливаемую кровь.

— Такъ, точно такъ, сказалъ Игнатій; присяга дѣло святое, никакія мудрованія не могутъ оправдать ея нарушение. Вѣсьмъ извѣстно, что я хранилъ присягу, данную и Отрепьеву, твердо помня, что коли Господь Богъ допустилъ обманщика властвовать въ Россіи, отъ него одного должно ждать его истребленія. Я тяжко пострадалъ за это, но Богъ наказалъ моихъ гонителей и за

все меня наградишь, передъ всѣми оправдавъ покорность мою святой его волѣ.

Окинувъ быстрымъ взоромъ собраніе, хитрый Грекъ улыбнулся, примѣтивъ, что слова его всѣмъ вообще были пріятны. Едва ли кто повѣрилъ ихъ искренности, но все стремились такимъ образомъ оправдаться въ собственныхъ глазахъ.

Простившись съ Игнатіемъ, Салтыковъ отправился домой отдохнуть, общавъ потомъ весь день пробыть у Госѣвскаго. Проезжая мимо воротъ Чудова монастыря, онъ увидѣлъ нѣсколько человѣкъ разнаго званія съ кулками и лукошками, въ которыхъ принесли они разговѣться патріарху, крашенныя лица, куличи и сыры. Ихъ достало бы на сто человѣкъ, и высокій, рыжій пахоликъ, завистливо осмотрѣвъ все, сказалъ, что этими гостинцами до потолка завалишь келью заключеннаго. Но тщетны были все убѣжденія допустить пришедшихъ къ патріарху. Пахоликъ отвѣчалъ, что это не возможно безъ согласія начальника его, товарища Малицкаго, который отлучился на цѣлый день.

— Помилуй, вскричалъ купецъ Долзинъ, неужели мы и теперь не увидимъ Владыку, и не благословить онъ насъ въ такой великій день! Да намъ безъ этого нельзя и домой воротиться! Какъ намъ сказать женамъ и дѣтямъ, что не умѣли выпросить, чтобы намъ дали хотя мигомъ взглянуть на отца нашего и благодѣтеля.

— Слушай, панычъ, сказалъ дворянинъ съ долгою сѣдою бородою, возьми себѣ три доли всего, что у насъ принесено, возьми и все что получше найдешь, на насъ самихъ, только Христа ради небеснаго исполни просьбу нашу, утѣшь насъ бѣдныхъ, горькихъ сиротъ! Тебя самого за это утѣшитъ Господь!

— Не могу, не смѣю безъ пана поручика, отвѣчалъ пахоликъ съ жадностью сѣвъ нѣсколько лицъ.

— Какъ не можешь, возразилъ дворянинъ? Давно ли ты отвелъ къ Святѣйшему жильца Илью Данилыча Далматова?

— Жильца? Гдѣ онъ живетъ? Знать не знаю никакого жильца, смѣшавшись отвѣчалъ пахоликъ, и сунулъ руку за пазуху, чтобы подалѣе спрятать деньги данныя ему Ильсѣй за свиданье съ патріархомъ.

— Жилецъ онъ или нѣтъ, не въ этомъ сила, сказалъ Богоявленскій архимандритъ; мы только знаемъ, что передъ нами пришелъ сюда высокій, сухощавый дѣтина, и что онъ теперь бесѣдуетъ со Святителемъ; почему же ты не хочешь допустить насъ къ его милости?

— Потому. . . потому. . . что онъ нѣмой; и радъ бы поболтать, да не можетъ; а вы чай не столько принесли лицъ и сыру, хотя и тѣхъ не съѣсть бы мнѣ въ цѣлый мѣсяцъ, сколько великихъ вѣстей и сплетней.

— Нѣмой! сказалъ дворянинъ, посмотрѣвъ на окружающихъ, я и не слыхалъ, что у Ильи Даниловича отнялся языкъ. Онъ прошлаго года у меня на дворѣ стоялъ, и голосокъ у него такой былъ тогда сладкій, словно у птички пѣвчей.

Долзинъ вспомнилъ слышанное о Далматовѣ, что онъ передъ изложеніемъ Царя, по какому-то важному съ нимъ случаю сталъ по общанію молчать, но ничего не сказалъ объ этомъ; другіе говорили, что онъ, бывъ отчаянно болѣнъ, лишился языка.

Вдругъ въ монастырѣ раздались бышенныя вопли.

— Лазутчикъ! закричало нѣсколько голосовъ, поймали лазутчика! руби, коли его!

Соскочивъ съ лошади, которую оставилъ онъ слѣдовавшимъ за нимъ слугамъ, Салтыковъ посѣпшилъ въ монастырь. Пропустивъ его, нахоликъ захлопнулъ калитку грубо оттолкнувъ Долзина.

Дверь въ патріаршую келью была отворена; на порогъ, между двумя свирѣпыми жолнерами, лежалъ облитый кровью молодой Далматовъ. У него разсѣчена была грудь, и лице его уже посинѣло, но на блѣдныхъ его губахъ мелькала улыбка, и въ ясныхъ взорахъ изображалась совершенная покорность волѣ Божіей. У окна стоялъ Малицкій, о которомъ нахоликъ солгалъ, что его нѣтъ дома, тайно отъ него проводивъ Далматова къ патріарху. Онъ держалъ листъ бумаги, кото-

рый измятъ, досадуя, что не можетъ прочесть, что на немъ написано. Увидя Салтыкова, онъ тотчасъ его подалъ ему, яростно жалуясь на измѣну.

— Прочти, повелительнымъ голосомъ сказалъ стоявшій возлѣ Далматова, обрызганный его кровью Святитель Ермогенъ; прочти скорѣе эту грамоту, доставленную мнѣ, не ко вреду и обидѣ тебѣ и тебѣ подобнымъ богоотступникамъ, но ради моей утѣхи въ свѣтлый праздникъ, чтобы зналъ я, что не сбылся ваши злые умыслы, заполонивъ страхомъ души, на вѣкъ укоренить въ землѣ нашей Литву и Латышь!

Грамота сія была писана Троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Авраміемъ, которые въ самый день разрушенія Москвы, съ глубокою горестью о семъ узнавъ отъ боярскаго сына Якова Алеханова, тотчасъ отслужили молебенъ о избавленіи отечества, и ободренные надеждою на защиту Божію, всюду писали, трогательно и убѣдительно призывая всѣхъ ополчиться на враговъ, не щадя жизни и имущества. Они сами первые подали примѣръ этому, немедленно отправивъ къ Ляпунову отрядъ войска, подъ начальствомъ брата келарева Андрея Федоровича Палицына, и въ случаѣ нужды готовясь отдать и всю утварь церковную. Изливая скорбь свою, знаменитые старцы напоминали, что боясь пострадать за отечество, отказывающіеся служить ему не избѣгнуть смерти, но умрутъ не оставивъ по

себѣ похвалы въ сѣмъ мірѣ и въ будущемъ не заслуживъ воздаянія. Съ ужасомъ воображая, какое дѣйствіе пламенная эта грамота должна всюду произвести, Салтыковъ укорялъ Малицкаго за убійство Далматова, лишившее возможности у него выпытать все подробности о слѣдствіяхъ сожже-нія Москвы.

—Завидна участь твоя юноша, сказалъ патріархъ, положивъ на лавку умирающаго Илью — не долго ты странствовалъ въ сей скорбной юдоли! Благодатію Божіей грѣхи твои скоро омылись твоею кровью — и въ великій день сей, когда Христосъ Спаситель отверзъ въ него вѣрующимъ врата райскія, предстанешь и ты предъ свѣтлымъ престоломъ его, для вѣчнаго съ нимъ ликованія! — По горе тѣмъ, отъ кого ты за преданность къ истинной, православной вѣрѣ твоей и къ родинѣ пріялъ вѣнецъ мученическій! Горе тебѣ лукавый предатель, продолжалъ Ермогенъ, обративъ на Салтыкова сверкающіе взоры, кровь новаго страстотерпца, и всѣхъ подобно ему погибшихъ, на тебѣ и на чадѣхъ твоихъ!

Почтѣловавъ холодныя уста Далматова, патріархъ сложилъ ему крестомъ руки, и закрывъ ему глаза, сталъ надъ нимъ молиться. Салтыковъ и Малицкій поспѣшно ушли. Последний сталъ спрашивать, кто пропустилъ къ заключенному лазутчика. Но бывший въ то время на стражѣ нахоликъ успѣлъ скрыться, и уже гораздо послѣ узна-